

Накануне

Поезд Москва-Уфа, торопящийся в столицу Башкирской автономной республики, как и все предновогодние поезда, вез сумки с продуктами и новогодними подарками. Мы везли из столицы все: от овсяного печенья и баночек майонеза Провансаль, до французских духов марки Диор за 45 рублей и детских ползунков. Ведь в областях и республиках СССР в магазинах на полках красовались лишь консервы из морской капусты и трехлитровые банки с березовым соком, да и кубинские сигары за рубль за штуку (их продавали почему-то в овощных отделах гастрономов). В стране любимым был анекдот про старого еврея, пришедшего в кондитерскую и наивно попросившего взвесить ему изюма. Продавец отвечает, что есть булочки с изюмом и только. Еврей: «Так наковыряйте мне с киллограмчик изюма, дорогая»... Нам было голодно и весело, народ жил своей жизнью, а партия, ведущая нас к светлому будущему коммунизма, жила своей...

В новогоднюю ночь, когда кремлевские куранты выталкивали нас из голодных и мрачных 80-х к неизвестным 90-м, мы ничего такого уже не ждали. Мы уже знали, как это – стоять в ночных очередях за подпиской на собрание сочинений от журнала «ОГОНЕК» и за золотыми сережками, жечь костры перед магазином ковров и записывать на руке номер очереди за куском варено-бумажной колбасы. Бабушки сокрушались над пачкой нового сорта масла «Крестьянское», из которого было невозможно испечь торт Наполеон, из масла просто вытекала непонятная жижа. Мамы покупали десятки пар шерстяных носков разного цвета, распускали их и из них вязали дочкам пальто и модные шапочки.

То самое, связанное с мамой пальто из распущенных носков

По знакомству или на работе выдавали талоны на сахар. В нашей семье сахар хранили в больших полиэтиленовых мешках под кроватью (потом выяснилось, что дети залезали туда и прогрызали дыры в пакетах, наслаждаясь тайным запретным сахарочком). После борьбы Горбачева с грузинскими и крымскими виноградарями, страна перешла на домашнее виноделие и самогон. В моду вошел рецепт ягодного вина «привет Горбачеву», когда на банку с бродившим вином надевали резиновую хозяйственную перчатку, и она надувалась и раскачивалась, как бы в приветствии, когда вино заканчивало бродить. Благородное настоящее вино исчезло благодаря вырубленным Горбачевым виноградникам, вот народ и перешел на домашнее.

Бабушка вынесла к новогоднему столу новое советское изобретение – конфеты из детской смеси Малютка, которые были съедены мгновенно и на «УРА» всей семьей. Когда пробили куранты, вся страна подняла бокалы (у кого с шампанским, у кого с домашней наливкой ☺) за новое десятилетие без войны, сытое и счастливое. Мы еще не знали таких слов как «демократия» или Новая Россия, а горбачевская «перестройка» набила оскомину своей болтовней.

Наступал 1990...

Исход

В 1990-м я работала в республиканской молодежной газете «Ленинец» - такой аналог «Комсомолки» республиканского масштаба.

Вот так выглядела пресса для молодежи до Новой России 90-х.

Отдел писем редакции газеты Ленинец возглавляла Светлана Гафурова - ныне известная писательница и журналист. Фото 90-х, начало.

Периодически к нам приходил заведующий отделом молодежи ЦК КПСС Башкирии, он проверял работу газеты, общался, записывал просьбы и выяснял настроение. Однажды, куратор пришел позднее обычного, а так как у сотрудников были детсадовского возраста дети, которых надо было забрать до семи вечера, он столкнулся с молодым поколением в моем кабинете отдела иллюстраций. Мой сынок Ванечка (3 года отроду), услышав мой окрик «Дети, тихо, проверка идет!», забрался в шкаф с архивом фотографий и почти не дышал от страха. Другая малышня забилась – кто под стол, кто онемел в креслах... Заходит куратор, здоровается с малышкой и пытается вести беседу:

- Здравствуйте, дети! - голосом дедушки Мороза восклицает куратор Обкома партии.

- Здравствуйте! - нестройным хором отвечают дети журналистов.

- А скажите-ка мне, дети, кто такой Владимир Ильич Ленин? Дедушка Ленин? - ласково вопрошает куратор.

... Молчание. Вдруг из огромного шкафа с архивом голос моего сына:

- Фашист и убийца ваш Ленин...

Побелевший куратор медленно открывает шкаф, где среди фотографий и рисунков гордо, как Орленок на допросе, стоит, сжав кулачки мой Ванька...

А на этих фото дети комсомольцев-журналистов на фото сверху – пикник в 90-м, в платочке мой Ванечка, сказавший обмоковским проверяющим, что Ленин фашист))

На фото снизу – фрагмент елки в редакции.

Тем временем, молодая журналистка Люся Киян готовила для нашей молодежи интервью с Первым секретарем Обкома КПСС Башкирии Мидхатом Шакировым. Тогда было принято иногда пообщаться и с молодыми. Ушла наша Люська в обком на интервью, да быстро вернулась, вся красная и возбужденная:

- Представляете, меня охрана на интервью не пустила! Говорят, одета не по форме... Не должно быть никаких украшений, и главное, - о, ужас! - я пришла в обком в брюках... Я пыталась прорваться внутрь и спросила охранника – а что, если я просто пробегу мимо Вас? А он мне медленно так и четко: Пуля догонит...

Интервью делали в другой день. Кстати, строгий дресс-код все обкомовцы соблюдали строжайше. Женщинам были запрещены брюки и серьги, и кольца с бриллиантами, мужчинам полагались скромные костюмы. Негласное правило гласило: мы не должны раздражать своим влиянием и богатством народ. Пусть видят в нас настоящих слуг народа, а не господ. И народ только шепотом на кухне обсуждал дачи и богатства этих слуг...

У нас в отделе промышленности работал честный коммунист (забыла его имя), но человек он был замечательный. Журналист этот через друзей в ЦК КПСС получил на руки секретные бумаги с аналитикой ситуации в стране. Там было и про необходимость обнуляющей накопления граждан денежной реформы, и про дикую инфляцию, и про ужасные, вырастающие в сотни раз, цены. Этот бедняга месяцами пытался опубликовать эти данные, но ему везде давали от ворот поворот, что в нашей молодежной газете, что в «Вечерке». Честно говоря, и мы не очень-то верили, что через три-четыре года куртка будет стоить по два миллиона, а метр ткани с рубля рванет к тысяче рублей. И многие в курилке тихо говорили о том, что наш обозреватель копает себе могилу.

Если мне не изменяет память – это старый Новый год в редакции молодежи, как раз накануне Павловской денежной реформы. В чашках, по традиции, журналисты наливали (и наливают) водку.

В начале 90-х вместо дней печати проводили Дни Встреч с читателями. На фото Гульчачак Ханнанова (ныне руководитель представительства Башкирии в Москве) и заведомом политики Марина Чепикова, впереди стоит пишущая машинка, печатали в номер и относили в редакцию прямо с улицы.

А тем временем в стране начался удивительный исход, как я его называю. Вдруг, в течение пары недель, нашу столицу республики Башкирия Уфу (русскую крепость, место ссылки Ленина и многих вольнодумцев лишь какой-то прихотью большевиков ставшей вместо Уфимской губернии – столицей автономной республики башкир) стали наводнять комсомольские и горкомовские кадры из деревень и городов Башкирии. Они заполнили все учреждения Уфы, в которой тогда было очень много русских и

евреев, потомков когда-то сосланных сюда петербуржцев и москвичей (как и в моей семье). Появились они и в республиканском Доме Печати, в котором располагались все газеты и журналы Уфы и республики. Эти пришельцы были плохо одеты, дремучи и почти не разговаривали с нами, они общались на своем башкирском языке и кроме кивков приветствия, мы больше ничего не имели общего. Но вот эти замечательные секретари горкомов, молодые коммунисты, комсомольцы из глухих деревень неожиданным образом в течение нескольких месяцев вдруг стали главными редакторами, редакторами вновь открытых газет и журналов на башкирском языке, а часть из них влилась в русскоязычные издания и сформировала такой теневой кабинет с националистической направленностью. Башкирская речь, которую в Уфе редко слышали в автобусах и магазинах, начала звучать громче, а в институты стали принимать по спец. распределению ребят из глухих деревень с титульной национальностью – башкирской. Не могу сказать, что это сплотило жителей уральской республики. И это было только началом борьбы суверенитетов. Исход из деревень коммунистов и комсомольцев одной национальности дал старт селективному подходу к формированию новой национальной элиты. Русских выдавливали всеми возможными способами. В школах вводили обязательное изучение башкирского языка. Не башкиры молча собирались и уезжали семьями – кто в Казань, кто в Сибирь, а кто в столицы.